
Лоес Моррен
Академия Крыла и Метлы
Драконы и Ведьмы учатся влюбляться

Лоес Моррен

Академия Крыла и Метла. Драконы и Ведьмы учатся влюбляться

«Автор»
2026

Моррен Л.

Академия Крыла и Метла. Драконы и Ведьмы учатся влюбляться / Л. Моррен — «Автор», 2026

На восемнадцатилетие мама дарит мне ведьминскую мантию и велит завтра ровно в одиннадцать сесть в последний вагон метро. На конечной меня ждёт Академия Крыла и Метлы. А дома остаётся Оуэн, мой парень, которому я обещала писать.В академии моя метла первым делом выбивает шпильку из волос. Кассиан приглашает меня танцевать и предлагает за каждый неверный шаг рассказывать о себе что-нибудь неловкое. А Люциан из рода чёрных драконов на первом же уроке требует, чтобы я предсказала ему судьбу. Кто бы мог подумать, что именно с ним мне захочется гулять до отбоя и что однажды он принесёт мне жёлтый цветок с лесной опушки?Кассиан уже пригласил меня на бал. Люциан спрашивает только о репетиции, а письмо Оуэну всё ещё лежит под нашей фотографией. Я думала, труднее всего в академии будет поднять метлу в воздух. Оказывается, гораздо страшнее спросить дракона, с которым тебе хочется танцевать, ждёт ли он этого танца так же, как ты.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лоес Моррен
Академия Крыла и Метла. Драконы и Ведьмы учатся влюбляться

Глава 1

На моём восемнадцатилетии Нора и Бен умудрились поссоритьсяиз-за того, сколько желаний мне полагалось загадать. Нора считала, что поодному на каждую свечку, иначе какой смысл было втыкать в торт всевосемнадцать. Бен уверял, что при таком подходе сбудется какое-нибудь желаниеиз середины списка, вписанное для количества, и я всю жизнь буду жалеть, чтопотратила день рождения на новый чайник. Пока они спорили, мама протиснуласьмежду стульями, и я увидела, что торт немного накренился на блюде.

— Солара, левее, он сейчас уйдёт с поворота, — предупредила Нора, которая снимала всё на телефон. Мама остановилась, передвинула локтем мою чашку и поставила блюдо точно посередине стола, как будто последние три шага с тортом набок тоже входили в её замысел. Одна свеча уже успела накапать воском на крем, прямо на клубнику, которую я с самого начала присмотрела себе. Мама перехватила мой взгляд и тихонько поддела воск ногтем.

Рядом с моей чашкой лежала фотография, которую оставил Оуэн. Он сбежал за полчаса до торта, потому что обещал отвезти младшую сестру с репетиции, и сунул снимок мне под блюдце, пока я собирала со стола пустые тарелки. На фотографии Оуэн смотрел прямо в объектив, а я хохотала с закрытыми глазами, прижавшись щекой к его плечу. Смешным тогда было то, что автомат в фотобудке предупредил нас о съёмке голосом человека, который сам до смерти боялся вспышки.

— Погоди, я ещё не включила запись, — сказала Нора, заметив, что я наклоняюсь к торту. Её телефон показывал нас всех с такими оранжевыми лицами, будто день рождения мы праздновали внутри духовки. Я поставила фотографию у блюда, прислонив её к солонке, и чуть повернула к себе. Оуэн собирался вернуться, если репетиция закончится вовремя, а я до этой минуты всё ещё поглядывала на дверь.

— Рокси, если тебе тяжело выбрать, желай денег, — посоветовал Бен. Он взял нож и примерился к торту с таким вниманием, будто от первого разреза зависела судьба семьи. — На деньги потом купишь себе всё остальное, и с чайником тоже можно будет разобраться. Пожалуйста, дуй, у меня пальцы уже сводит от ожидания.

В последние недели взрослые спрашивали, что я собираюсь делать после лета, и почти всегда сами заканчивали вопрос готовым ответом. У тёти нашлось бы для меня место в магазине, соседка знала хорошие курсы, а Оуэн прислал расписание на осень, чтобы мы могли найти вечера для встреч. Мне нравилось, что он заранее оставлял в своей жизни место для меня, и всё же я поймала себя на том, что сперва открыла его расписание, а уже потом своё. Я зажмурилась и загадала хотя бы раз самой выбрать, что со мной будет дальше.

Свечи погасли с первого раза, если считать, что последнюю задул Бен, перегнувшись через моё плечо. Нора поймала его на записи и тут же объявила, что теперь он отвечает за одну восемнадцатую моего будущего. Я рассмеялась и отказалась сообщать, что ему досталось, хотя обычно Норе удавалось вытянуть из меня всё. Пока мы ели торт, я снова прокрутила в голове своё желание и с удивлением поняла, что от собственных слов у меня по-прежнему щекочет под рёбрами.

К десяти вечера Бен унёс последний кусок в коробке из-под печенья, а Нора второй раз за вечер вернулась за телефоном, теперь с лестницы. Я проводила её, собрала с дивана смятую

обёрточную бумагу и села перед кучкой ещё не открытых подарков. Оуэн прислал сообщение, что они с сестрой только добрались домой и она обнаружила в его кармане свой сценический нос. Я уже набрала ответ про то, что отныне он обязан носить его на всех семейных фотографиях, когда мама прикрыла дверь в комнату.

— Открой сначала мой, ладно? — попросила она и поставила передо мной длинную плоскую коробку. Мама всегда завязывала ленты двойным бантом, потому что одинарный, по её словам, годился только для людей, которым нравилось подбирать подарки с пола. На этот раз на крышке вообще ничего не было, даже открытки. Её пальцы задержались на картоне, и я подождала, пока она сама уберёт руку.

Мама села напротив, на место, где ещё недавно стояла чашка Оуэна. Под крышкой лежала тёмная ткань, сложенная так аккуратно, что я сперва приняла её за старую мамину шаль. Я потянула за угол, по коленям расправились широкие рукава, и в свете торшера блеснула золотая вышивка. Над длинной метлой с растрёпанными прутьями раскрывались два крыла.

Я знала этот знак с детства, хотя до сих пор видела его только нарисованным. Как-то в четвёртом классе я срисовала его с маминой тетради на обложку дневника, а она попросила стереть метлу, пока учительница не начала задавать вопросы. Тем же вечером мама впервые рассказала про академию, куда однажды уехала учиться, и про то, как её собственная метла столкнула её в мокрую траву на глазах у всего курса. Дома я могла спрашивать об академии сколько угодно, пока помнила, что за порогом об этих разговорах лучше молчать.

— Уже пора? — спросила я и взялась за мантию обеими руками. Я столько раз воображала, как надену её и увижу тех, о ком мама рассказывала по вечерам, что от одного вида застёжки у горла у меня участился пульс. Теперь застёжка лежала у меня на ладони, холодная и тяжёлая, а под её краешком торчала короткая золотая нитка. Мне захотелось потянуть за нитку и посмотреть, действительно ли всё это сшито так же, как любая одежда.

— Да, Роксана, — сказала мама, и я подняла глаза, потому что полным именем она звала меня, когда хотела, чтобы я внимательно дослушала. — Завтра в одиннадцать утра отходит поезд, на который тебе нужно сесть. Я поеду с тобой до платформы и всё там покажу. На той стороне тебя уже будут ждать.

Я аккуратно опустила застёжку на колени и только потом переспросила, правда ли она сказала «завтра». На холодильнике висел наш календарь, где я сама обвела следующий день зелёным, потому что мы с Оуэном собирались завтракать у реки. У меня даже лежали в прихожей бумажные салфетки с дурацкими лимонами, выбранные специально для этого завтрака. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы перестать думать о салфетках и спросить у мамы, давно ли она знала про поезд.

— О дате я знала с понедельника, — ответила она, разглаживая пальцами пятно от кружки на скатерти. — Я собиралась сказать в тот же вечер, потом решила, что тебе захочется спокойно отпраздновать день рождения. Утром услышала, как ты договариваешься с Оуэном про реку, и опять промолчала. Теперь сижу и слышу, как это звучит.

— Ты могла спросить, какой вечер я хочу провести, — сказала я. Пока я говорила, рукав мантии соскользнул на пол, и мама поймала его прежде, чем по ткани проехала ножка моего стула. — Я бы всё равно позвала ребят и мы бы всё равно съели торт. Только у меня было бы время попрощаться с ними, пока они ещё сидели здесь.

Мама сложила рукав у меня на коленях и оставила ладонь на ткани. Она сказала, что боялась моего первого вопроса, потому что сама до сих пор помнит, как сидела в вагоне и думала, что её мама могла бы проехать с ней хотя бы одну остановку. Потом добавила, что за эту неделю успела придумать мне целых четыре удобных момента для разговора. Я представила, как она вычёркивает их один за другим, и подвинулась, чтобы ей было удобнее держать мантию вместе со мной.

— Я ведь хотела туда поехать, мам, — сказала я и вдруг услышала, как у меня дрогнул голос. Мама подняла голову так быстро, что серьга зацепилась за воротник, и я помогла выпутать её. — Когда ты рассказывала, как жила там, я всё время представляла, что в один прекрасный день ты покажешь мне это место. Я и сейчас хочу его увидеть, только мне надо успеть к Оуэну, пока у меня ещё есть сегодня.

Мама сама сложила мантию обратно в коробку, а я взглянула на снимок у солонки и решила оставить его дома до утра, чтобы в спешке не помять. В прихожей накинула куртку поверх праздничной блузки и зацепила подкладкой браслет, который Оуэн застегнул на мне перед приходом гостей. Мама вышла следом, высвободила застёжку и спросила, взять ли ключи на случай, если я вернусь поздно. Я сунула ключи в карман и выбежала, пока ещё могла надеяться, что у Оуэна за дверью горит свет.

До соседнего дома было меньше минуты, если срезать через стоянку, но я пошла по тротуару. Мне понадобились лишние шаги, чтобы придумать, что именно я скажу, а у самого подъезда стало ясно, что все мои варианты начинались со слов «Мама мне только что сказала». Окно первого этажа светилось, и за шторой я увидела знакомую тень сушилки с бельём. Я нажала кнопку звонка и услышала, как с той стороны Оуэн просит сестру подержать что-то двумя руками.

Дверь он открыл в одном носке с ракетами и другом с утками. В руке у него был красный поролоновый нос, про который он мне писал, и Оуэн уже поднёс его к лицу, когда увидел меня. Он опустил руку и положил нос на тумбу рядом с ключами. Потом спросил, хочу ли я войти, потому что на площадке кто-то опять оставил открытым окно и оттуда тянуло холодом.

— Завтра утром я уезжаю, — сказала я, всё ещё держась за дверную ручку снаружи. Оуэн машинально глянул на мою руку, и я отпустила её, как будто меня застали за чем-то глупым. — Меня берут в академию, где училась мама. Она закрытая, и я пока даже не знаю, когда смогу вернуться домой.

— Завтра мы идём к реке, — сказал он. Я кивнула, потому что именно это с самого начала пыталась себе объяснить. — Во сколько ты уезжаешь, Рокси? Может, я успею зайти за тобой пораньше, хотя бы на десять минут?

Я ответила, что поезд в одиннадцать и мама повезёт меня на станцию. Он наклонился за ботинком, стоявшим поперёк порога, подвинул его к стене и выпрямился, держа в пальцах один шнурок. Мне пришло в голову, что он уже ищет способ меня проводить, а я до сих пор говорю с ним из коридора. Я шагнула внутрь, и Оуэн тихо прикрыл дверь, чтобы сестра не услышала нас из комнаты.

— А какая это академия? — спросил он. Я могла сказать ему, как она называется, и он бы обязательно спросил, почему в названии есть метла. Дальше пришлось бы говорить про маму, про ведьм и про то, почему за всё время, что мы вместе, я ни разу не решилась упомянуть, что однажды смогу учиться летать. Я поправила рукав на запястье и ответила, что пока знаю гораздо меньше, чем хотелось бы.

— Ты уже решила, что мы будем делать, когда ты уедешь? — спросил Оуэн после паузы. Он выпустил шнурок и выпрямился, а я с запозданием поняла, что молчала слишком долго и он принял моё молчание на свой счёт. — Просто ты как будто репетировала это со всеми, кроме меня. Давно ты знаешь, что уезжаешь?

— Про завтра я узнала, когда Нора ушла за телефоном во второй раз, — ответила я. Он помнил, что Нора неизменно забывает телефон у нас дома, и на секунду улыбнулся, хотя обычно в этом месте мы начинали спорить, как ей вообще удаётся добираться без него до своей двери. — Я открыла мамин подарок и увидела там форму. А ещё минут за пять до этого я писала тебе ответ про нос.

Оуэн взглянул на тумбу, будто забыл, зачем положил туда красный шарик. Спросил, за что дают форму и нельзя ли начать со следующей недели, и я честно сказала, что, когда мама

назвала время, сама подумала, как бы выторговать хотя бы один день. Поезд ходил по особому расписанию, которое я знала с детства по обрывкам разговоров, и про следующий рейс мама ничего не сказала. Я могла бы сейчас соврать, что уеду, только если мне понравится станция, но Оуэн всё ещё ждал настоящего ответа, и я оставила эту глупость при себе.

Из комнаты донеслось, как его сестра села на клавиши игрушечного пианино, а потом тут же попробовала повторить получившийся аккорд рукой. Оуэн обернулся, крикнул, что ненадолго выйдет, и наконец поднял с пола ботинки. Пока он обувался, я заметила на его запястье полоску синей краски от вечеринки, когда Нора расписала всем руки вместо открытки. Он поймал мой взгляд и сказал, что пятно сошло бы, если бы он перестал его беречь.

— Давай сделаем круг до киоска, — предложил он, надевая куртку. Он подержал для меня дверь, но я задержалась на пороге и спросила, правда ли он хочет сейчас гулять. — Хочу поговорить там, где я могу тебя перебить и сразу сказать, что перебил от нервов. И ещё я уже обулся в этих носках, так что отступать поздно.

На улице Оуэн сунул руки в карманы, а на углу вынул правую и предложил её мне ладонью вверх. Мы обычно брались за руки ещё в подъезде и обнаруживали это, только когда одному из нас нужно было достать телефон. Теперь я сама вложила пальцы в его ладонь и нащупала царапину, оставленную краем картона, когда Оуэн помогал мне вырезать украшения. Я провела по царапине подушечкой пальца, и он чуть сжал мою руку.

Мы свернули к киоску, где прошлой осенью переждали ливень под козырьком шириной в полшага. Вода капала с вывески прямо Оуэну за шиворот, и он поднял капюшон своей куртки, а потом каким-то чудом натянул его и мне на макушку. Чтобы поместиться, я прижалась к нему лицом, и мы целую минуту обсуждали, кому именно надо подвинуть нос. Дождь к тому времени почти прошёл, но я стояла в его куртке до тех пор, пока хозяин киоска не высунулся и не спросил, собираемся ли мы покупать жвачку.

— У них теперь закрыто по вечерам, — заметил Оуэн, хотя мы оба читали это объявление каждый раз, когда здесь проходили. Он остановился у прилавка и прижал ладонью уголок бумаги, отогнувшийся на ветру. — Помнишь, как я купил тогда клубничную, а ты сказала, что я испортил весь момент? Я потом целую неделю таскал в кармане мятную, вдруг у нас снова будет подходящий дождь.

— Ты ведь мог просто позвать меня гулять, — сказала я. Оуэн повернулся и очень выразительно посмотрел на меня, напоминая, сколько раз я тогда звала с собой Нору или предлагала пройтись всем вместе. Я рассмеялась, вспомнив, как проверяла чат у зеркала, чтобы увидеть своё лицо, когда он ответит. Как бы я сейчас обрадовалась сообщению с датой нашей следующей прогулки.

Оуэн сел на низкий подоконник киоска и потянул меня за руку, освобождая рядом место. Мы устроились плечом к плечу, и он предложил, как обычно, переписываться перед сном, когда можно пересказать всё смешное за день. Для начала он обещал прислать отчёт о завтраке у реки, если всё-таки сходит один. Я улыбнулась и спросила, дадут ли булочки честные показания о количестве съеденного.

— Я буду писать, как только смогу, — сказала я, когда он достал телефон и спросил, во сколько завтра ему ждать первого сообщения. Мама рассказывала, что в академии связь с домом устроена через стеклянные шары, а её школьные письма приходили по пятницам и порой пахли печным дымом. Мне трудно было представить, как объяснить всё это Оуэну, сидя под выключенной вывеской. — Там может оказаться плохо со связью, и я ещё не знаю, сколько у меня будет свободного времени, пока я осваиваюсь.

— Ты тогда присылай что угодно, хоть список того, что давали на обед, — сказал он и убрал телефон. Оуэн говорил уже тише, и мне пришлось придвинуться, чтобы расслышать его, когда мимо киоска проехала машина. — Только если тебе станет трудно ждать, пока мы

снова увидимся, скажи мне сама. Я могу пережить неприятный разговор, Рокси, а вот гадать по одному слову в сообщении я умею просто ужасно.

Я спросила, чего он хочет от меня прямо сейчас, и он некоторое время тёр пальцем край моего браслета. Потом сказал, что ему хотелось бы услышать, что я тоже буду ждать наших встреч. Я сказала, что буду, и уже представила, как с дороги выбегу к нему во двор прямо в мятой форме. Потом он переспросил, скажу ли я, если это изменится, и я пообещала сказать.

Обратно мы шли медленно, останавливаясь у каждого перекрёстка дольше, чем требовалось, чтобы посмотреть на дорогу. У своего подъезда я услышала, как Оуэн втянул воздух, и, пока он подбирал слова, сама встала на носки и поцеловала его. Он коснулся пальцами моего локтя, чтобы я не потеряла равновесие на бордюре, и на секунду всё стало таким знакомым, что я почти сказала «до завтра». Я успела прижаться лбом к его щеке и шепнуть, что напишу, когда устроюсь.

На площадке я оглянулась в окно и увидела, что Оуэн всё ещё стоит у подъезда. Мне захотелось помахать ему и тут же сбежать вниз, придумав какой-нибудь повод вроде забытого телефона, хотя телефон оттягивал карман. Я так искренне обещала ждать его, что на минуту решила, будто уже знаю, как буду чувствовать себя через месяц. Когда я повернула ключ и вошла, мама оставила для меня свет в коридоре, а коробка с мантией стояла возле моего стула.

Я проснулась от того, что мама в третий раз постучала по дверному косяку и впервые за утро назвала меня Рокси. На будильнике было восемь сорок, а я ведь собиралась встать в семь и приготовить завтрак. В квартире Оуэна шторы ещё были задёрнуты. Я отодвинула свою штору шире и сразу же пожалела, что вижу его окно так хорошо.

— Чай на кухне, и я положила тебе две булочки в пакет, чтобы съесть до поезда, — сказала мама. Она заметила раскрытую сумку с одеждой и зубной щёткой. — Оставь вещи дома, в академии всё выдадут, вплоть до одежды для сна. Возьми портфель и положи в него мантию, она тебе понадобится, когда приедешь.

— А если у них пижамы со штанинами, которые заканчиваются у колен? — спросила я. Мама выслушала вопрос с такой серьёзностью, что и я выдержала несколько секунд. Оказалось, мама до выпускного носила выданную ей пижаму в цветочек, хотя уже на втором курсе та стала коротка. Я засмеялась, а потом села на кровать, потому что вдруг увидела её в этой пижаме такой же растерянной, какой чувствовала себя сама.

Когда мама вышла, я застегнула пустую сумку и достала портфель, с которым ещё недавно ездила сдавать экзамены. В основном отделении нашёлся фантик от мятной жвачки, прилипший к подкладке, и я отодрала его, оставив на ткани светлую полоску. Мантию я сложила так, чтобы застёжка оказалась внутри и не зацепилась за молнию. Потом сходила в комнату, сняла фотографию с солонки и вложила во внутренний карман, где она лежала ровно.

До метро мы дошли с пакетом на двоих и по дороге дважды останавливались, чтобы стряхнуть крошки с моей куртки. Мама вспомнила, как шла сюда с бабушкой перед отъездом и злилась на её вопросы про носовой платок. У турникета я заметила, что мама сама всё время трогает левый карман, и спросила, нет ли там чего-нибудь для меня. Она вынула чистый платок, посмотрела на него и призналась, что взяла два, так что одним вполне может поделиться.

На платформе электронное табло обещало поезд в одиннадцать, и я до последнего ждала, что рядом с временем появится какое-нибудь особое обозначение. Мама отвела меня к дальнему концу платформы и показала, где останавливается последний вагон. Она велела ехать до конечной, Мирвуда, и попросила в толпе держать портфель при себе. Я спросила, как узнаю Мирвуд, если табло в вагоне опять сломано, и мама ответила, что в первый раз сама задала ровно этот вопрос и сразу всё поняла, когда открылись двери.

— А поговорить с тобой я смогу в первый же день? — спросила я, пока мы ещё слышали друг друга без грохота колёс. Мама объяснила, что, когда я устроюсь, мне разрешат связаться с ней через стеклянный шар и кто-нибудь покажет, как это делать. Она заверила меня, что обо

мне позаботятся, и поправила перекрученную лямку. Я вдруг обняла её с портфелем между нами, и она прижала меня к себе так крепко, что я почувствовала застёжку мантии сквозь ткань.

Поезд подошёл ровно в одиннадцать, обдав платформу ветром. Когда открылись двери последнего вагона, мама шагнула вместе со мной к жёлтой полосе и остановилась, а я переступила через щель между платформой и полом. Мимо прошёл мужчина с бумажным стаканчиком, я пропустила его к сиденьям и обернулась к маме. Она подняла руку, и я успела увидеть, что второй платок остался у неё в пальцах.

Двери сомкнулись, и я прижала ладонь к стеклу. Мама шла вдоль вагона, пока могла поспевать за поездом, а потом остановилась и помахала мне уже обеими руками. Я держала ладонь у окна, пока её белый рукав не скрылся за краем платформы, и опустила руку только в тоннеле. Там стекло отражало меня с растрёпанными волосами и двумя лямками портфеля, которые я стиснула так, будто он мог укатиться без меня.

Я сняла портфель, села у окна и проверила через ткань внутренний карман, где лежала фотография. Нащупав уголок, я убрала руку. Напротив меня оставалось свободное место, хотя в другом конце вагона двое уже стояли, держась за один поручень. Мне на секунду захотелось положить портфель на сиденье напротив, как я делала, когда ждала Оуэна, но я поставила его у ног.

Глава 2

На схеме над дверями было семь станций, если считать ту, с которой мы тронулись, и ни одна не называлась Мирвудом. Я прочла все названия подряд, потом зачем-то в обратном порядке. Мама велела доехать до конечной, и я старалась не думать о том, что у здешней конечной было вполне обыкновенное название, Депо. Мы с Оуэном однажды по ошибке проехали туда и обнаружили наверху склад кафельной плитки и кофейню, в которой закончился кофе.

На первой остановке мужчина с бумажным стаканчиком вышел, и на его место сел мальчик с коробкой пончиков на коленях. Он сразу приподнял крышку, заглянул внутрь и снова закрыл, когда женщина рядом попросила потерпеть до дома. Я позавидовала ему, потому что он знал, что найдёт под крышкой и сколько осталось до дома. Потом сообразила, что уже второй раз за утро любуюсь тем, как уверенно посторонние люди занимаются своими делами, и рассердилась на себя.

Телефон поймал сеть на второй остановке, пока мы стояли у открытых дверей. Я открыла переписку с Оуэном и успела набрать, что поезд пришёл вовремя, прежде чем вспомнила, что обещала написать, когда устроюсь. Он мог сейчас сидеть у реки и есть булочку, которую мы собирались разделить, и мне хотелось, чтобы хотя бы одна вещь у него сегодня получилась такой, как он задумал. Пока я решала, отправлять ли сообщение, двери захлопнулись и значок сети снова пропал.

Я убрала телефон и подтянула портфель за лямку, чтобы женщина с мальчиком смогли пройти к выходу. Молния оказалась застёгнута до самого угла, но из-под неё торчал золотой кончик нитки, тонкий и упорный. Я потянулась его заправить, и тут поезд остановился в третий раз. В вагон вошла рыжеволосая девушка с портфелем, который она держала перед собой обеими руками, словно её попросили доставить кому-то именинный торт.

Она посмотрела на схему, на пустое сиденье напротив меня и наконец села. Волосы у неё были заплетены в две косы, причём одна распускалась, и с рыжей пряди у воротника соскальзывала зелёная резинка. Девушка поймала её прежде, чем та упала, и тут заметила золотую нитку на моём портфеле. Я поддела нитку ногтем и убрала под молнию с таким деловым видом, будто занималась этим на каждой остановке.

Девушка опустила глаза к своему портфелю, нашла там точно такой же золотой усик и пригладила его большим пальцем. Получилось до того похоже на мой жест, что я невольно улыбнулась. Она улыбнулась в ответ, совсем чуть-чуть, и тут же заинтересовалась рекламой дверных замков над моей головой. Я подумала, что могла бы открыть портфель и показать мантию, но при посторонних это показалось примерно таким же удачным началом знакомства, как размахивать метлой на платформе.

На четвёртой остановке между нами протиснулся пассажир с велосипедом, и я успела убрать ноги из-под педали. Девушка поймала за лямку мой портфель, который я сдвинула пяткой, и придержала, пока колесо не проехало мимо. Я поблагодарила её и хотела уже спросить, куда она едет, когда владелец велосипеда решил, что теперь мы трое знакомы, и принялся объяснять, где у него сломалось крыло. Девушка дослушала его до конца и совершенно серьёзно посоветовала держаться подальше от луж, которые глубже её ботинка.

Когда двери открылись в пятый раз, велосипед наконец вынесли. Я повернулась к рыжей, приготовившись произнести что-нибудь столь же безобидное, как вопрос про лужи. В этот момент в вагон влетел светловолосый парень с рюкзаком, окинул взглядом пустые сиденья и плюхнулся прямо рядом со мной, так резко, что меня качнуло к окну. Я подхватила портфель с пола и уже приготовилась поинтересоваться, чем его не устроили остальные места.

— Ты тоже до конечной? — спросил он и тут же передвинул колено, чтобы я могла поставить портфель обратно. От такой прямоты я сперва решила, что мы откуда-то друг друга знаем,

и даже поискала в его лице сходство с кем-нибудь из школы. Парень, кажется, понял причину моего молчания, потому что тут же представился Орбуром и протянул ладонь. Ладонь была открытая, с въевшимся синим следом от ручки на среднем пальце.

— Роксана, но лучше Рокси, — сказала я, пожав её. Он повторил моё имя с той серьёзностью, с какой запоминают чужой адрес, чтобы потом не искать по всему городу. Рыжая девушка перевела взгляд с меня на него и чуть наклонилась вперёд, прижав портфель к коленям. — Если ты про Мирвуд, то да, мне туда, и я уже полдороги гадаю, где он на этой схеме.

Орбур вздохнул так громко, что мужчина в наушниках на другом конце вагона поднял голову. Рыжая пересела ко мне с другой стороны, назвалась Кирой и сообщила, что ей тоже в Мирвуд. Она протянула руку сначала мне, потом Орбуру, хотя для этого ему пришлось тянуться через мои колени. Пока они жали друг другу руки, я придерживала оба портфеля ногами и впервые с начала поездки почувствовала, что на этой конечной меня, пожалуй, не придётся искать одной.

— Это тебе дома выдали вместо карты? — спросила Кира, когда Орбур вытащил из кармана сложенный листок. Он развернул бумагу, и на ней обнаружилось всего два слова, «последний вагон», обведённые синей ручкой. — У меня мама написала время на руке, а потом велела помыть руки перед выходом. Она заметила, что сделала, только когда я попросила её написать ещё раз.

Орбур признался, что отец велел дождаться конечной и пообещал, что их там встретят. На вопрос, кто именно, он получил ответ «поймёшь на месте», и я с трудом удержалась от смеха, потому что моя мама ответила почти теми же словами. Кира, услышав это, выдохнула и впервые откинулась на спинку сиденья. Потом призналась, что весь путь репетировала, как будет просить машиниста высадить её там, чего нет на схеме.

Я рассказала про свою маму и про то, как у неё на платформе остался второй платок. Мне хотелось, чтобы Кира поняла, почему я так вглядывалась в карту, а заодно услышать себя со стороны и убедиться, что это всё уже происходит. Кира спросила, знала ли я с детства, что поеду, и я ответила, что знала примерно так же, как знают о будущем выпускном, пока ходят во второй класс. Орбур поднял листок на уровень глаз и сказал, что, если бы знал заранее, хотя бы добился от отца третьего слова.

— Можно я задам один глупый вопрос, пока здесь ещё грохочут колёса? — спросил он и тут же наклонился к нам, так что Кира убрала косу, чтобы она не попала ему в рот. — Я никогда в жизни не сидел так близко к ведьмам. Вы правда сразу понимаете, когда рядом дракон, или я просто уселся к вам с таким видом, что всё было ясно?

— Я пока только дочь ведьмы и узнаю дракона, если он сам плюхнется рядом и объявит об этом на весь вагон, — ответила я. Орбур оглянулся, проверяя, кому ещё могло достаться это объявление, и увидел, что мужчина снова закрыл глаза. Кира прикрыла рот рукавом, но по её плечам было видно, что она смеётся. — А ты уже превращался, или у вас тоже всё интересное откладывают до школы?

Орбур отрицательно мотнул головой и сказал, что в обычном мире превращаться запрещено. Отец рассказывал ему об этом с таким упорством, будто однажды нашёл его в драконьем обличье на крыше торгового центра. На самом деле он, по собственным словам, дальше попыток дыхнуть огнём на холодную ложку не продвинулся. Кира спросила, в каком возрасте это было, и Орбур сдался только после того, как она пообещала угадать сама, начав с прошлой недели.

— В воскресенье, — признался он и зажал отцовскую записку между пальцами, как улику. — И ложку я потом помыл, так что никто не пострадал. Папа утверждает, что первые занятия вообще скучные, но он так смотрит в стену, когда говорит об этом, что я теперь согласен на любую скуку, лишь бы посмотреть самому.

Я представила, как Орбур дует на ложку над кухонной раковиной, и спросила, сколько он продержался, прежде чем пошёл за другой. Он ответил, что другая понадобилась сразу, потому что первая оказалась чайной, а он решил дать своему пламени побольше места. Кира засмеялась уже в голос, и зелёная резинка, которую она всё ещё держала в руке, упала на пол. Орбур нашёл её у своего ботинка, передал Кире и снова развернул записку, чтобы мы на всякий случай проверили, все ли трое помним, где сидим.

Я собиралась сказать, что после двух ведьм и дракона в одном вагоне перестала ждать от поездки хотя бы какого-то порядка. Вместо этого заметила, что у Киры пальцы никак не попадают в петлю резинки, и предложила подержать её портфель, пока она соберёт косу. Она передала его мне и успела намотать резинку только один раз. Над дверями кашлянул динамик, и мы одновременно замолчали.

Машинист объявил, что у Депо ремонтируют дальнюю часть платформы и для выхода лучше перейти в предпоследний вагон. Пассажир в наушниках встрепенулся, посмотрел на наши портфели и махнул нам рукой, мол, идите за мной. Орбур уже приподнялся, но я тронула его за локоть и напомнила, что нас троих посадили именно в последний. Он опустился обратно и, когда мужчина скрылся за переходной дверью, пробормотал, что этому доброму человеку теперь до вечера будет совестно за нас.

Поезд замедлился, и я увидела через стекло название Депо, скол на краю таблички и бетонную колонну, у которой мы с Оуэном однажды решали, стоит ли идти наверх за кофе. В нашем вагоне двери остались закрытыми, а через окно я видела, как впереди на платформу высыпали люди. Кто-то вёз велосипед, кто-то застёгивал ребёнку куртку на ходу, а потом последний пассажир исчез за колонной. На секунду мне захотелось постучать в окно и попросить выпустить меня следом, просто чтобы посмотреть, успею ли передумать.

— Если бы мама всё-таки села со мной, вот здесь ей пришлось бы выйти, — сказала Кира. Она закончила перевязывать косу и взяла у меня портфель, придерживая его снизу. — Я вчера уговаривала её проехать со мной хотя бы пару остановок, а сегодня на платформе сама велела ей идти домой. Знаете, как это бывает, когда тебе хочется, чтобы тебя послушались, и одновременно хочется, чтобы тебя ни за что не послушались?

Мне это было знакомо по тому, как я сама утром смотрела на мамины руки за стеклом. Я сказала Кире, что ещё немного, и мы сможем рассказать дома, почему никто из них толком не объяснил дорогу. Орбур предложил начать с жалобы в трёх экземплярах, а Кира спросила, кому он доверит писать разборчиво. Я уже открыла рот, чтобы предложить в писари его отца, когда поезд снова тронулся.

Сначала за окном шла стена, исписанная белыми номерами, и в стекле отчётливо отражались наши лица. Потом стену прорезала тонкая жёлтая полоска, словно кто-то провёл вдоль тоннеля спичкой. Полоска рассыпалась на десятки огней, и за ней открылись ещё сотни, от бледно-зелёных до густых оранжевых. Они заплясали по обе стороны вагона, а один огонёк довольно долго держался возле моего окна, так что я успела разглядеть тёмную точку у него в середине.

Кира подалась вперёд, и её плечо толкнуло меня в плечо. Орбур перепрыгнул на сиденье напротив и тут же позвал нас посмотреть в его окно, где целая гроздь огней уходила вверх, будто там вдруг стало очень высоко. Я поднялась и взялась за поручень, потому что поезд всё ещё набирал ход. На миг из-за огней стало видно, что на другом конце пустого вагона качается забытая на сиденье белая перчатка, и эта перчатка среди всего происходящего показалась мне смешной до слёз.

— Если нас там встречают, надеюсь, они успели выучить наши имена, — сказал Орбур, когда вагон вдруг качнуло и ему пришлось ловить рюкзак. Кира предложила ему выйти первым и проверила, застёгнут ли у него боковой карман, из которого уже наполовину высунулся карандаш. Он заправил карандаш и вежливо пропустил нас вперёд, заявив, что после такого

предложения первым выходят только очень доверчивые люди. Мы втроём встали у дверей, и я подтянула лямку портфеля и пригладила ткань там, где мама утром расправила складку.

Огни вдруг остались позади, и поезд остановился с таким знакомым вздохом, что я приготовилась увидеть кафель и ряды ламп под потолком. За дверями оказались неровные плиты, а между ними торчали травинки. Над платформой лежал открытый дневной свет, в котором виднелись низкая каменная ограда, подстриженные кусты и белые цветы с тёмной серединкой. Когда двери разошлись, в вагон пахнуло мокрой землёй и чем-то сладким, словно нам только что принесли целую охапку цветов в тёплую комнату.

Я сошла первой и чуть не оступилась, потому что платформа оказалась ниже пола вагона, чем я привыкла. Кира шагнула за мной, Орбур спрыгнул последним, и двери тут же закрылись у него за спиной. Я успела повернуть голову на звук, когда поезд уже сорвался с места, нырнул за зелёную изгородь и исчез. В тишине было слышно, как жужжит пчела у ограды, а потом с противоположной стороны платформы донёсся скрежет тормозов другого состава.

Из вагона напротив сперва высунулся локоть, потом на плиты посыпались парни с потёртыми сумками и форменными кителями нараспашку. Один на ходу попросил приятеля вернуть ему ремень, второй уверял, что ремень впервые видит, хотя тащил его по земле за пряжку. Я невольно посторонилась, а Кира прижала портфель к себе, пропуская их мимо. Они успевали шутить и перепрыгивать через щели между плитами так уверенно, будто в последний раз сходили здесь с поезда вчера вечером.

— О, новички! — окликнул нас черноволосый парень, уже успевший пройти мимо и обернувшийся на ходу. Он указал подбородком на ступени в конце платформы, где между кустами виднелись железные перила. — Идите прямо до дороги, там кареты ждут. На развилке не сворачивайте к будке, там сторож, а он вас всё равно пошлёт обратно к ступеням.

Он на ходу поправил воротник, и я заметила две звезды на его кителе. Орбур тихо сказал, что это, наверное, второй курс, и тут же встал чуть прямее, словно от нас тоже уже требовалось разбираться в звёздах. Черноволосый закинул сумку на плечо и догнал приятеля у перил, где они продолжили спорить о ремне. В его голосе была та самая домашняя уверенность, с какой Оуэн советовал чужим людям, какой двор лучше пересечь, чтобы выйти к реке, и от этого сходства мне вдруг стало легче подняться следом.

На верхней ступени я обернулась. Отсюда было видно обе колеи и небольшую табличку «Мирвуд», почти скрытую листьями у входа, которую я так долго искала на схеме. Кира тоже заметила её, выговорила название тихо, словно пробовала, как оно звучит в настоящем месте, и дождалась, пока я с ней поравняюсь. Тогда мы услышали, как с дороги доносится цокот, и Орбур спросил, кто из нас раньше ездил в карете.

Кира сказала, что однажды сидела на коне у ярмарочного фотографа и с тех пор ей есть о чём поговорить с каждым конём, которого принуждают работать на празднике. Орбур признался, что рассчитывал услышать что-нибудь более подходящее для нашей нынешней ситуации, но на всякий случай попросил её передать лошадям его уважение. За кустами показались две длинные кареты с рядами окон, белая и тёмно-красная. У красной возница уже отнимал у кого-то сумку, чтобы поставить её на подножку, а лошадь терпеливо пыталась дотянуться губами до ветки.

— Первокурсники ко мне, пожалуйста, — сказал мужчина у белой кареты, когда мы вышли на дорогу. Он говорил негромко, но шум у красной стих настолько быстро, что я успела услышать, как лошадь обломила ветку. — Я ректор Деметриус, буду встречать вас здесь в начале каждого учебного года. Сегодня вам в белую карету, а тем, у кого уже есть звёзды, в красную, даже если вы решили, что здесь обивка удобнее.

Последние слова были обращены к одному из старших, который опустил ногу с белой подножки и ушёл под смех своих приятелей. Деметриус посмотрел на наши сумки и спросил, успели ли мы познакомиться. Я ответила, что мы вместе доехали от города, и удивилась, как

легко мне далось это «мы». Орбур открыл было рот, чтобы что-то добавить, но ректор уже подал Кире руку, потому что подножка оказалась ей почти до колена.

Внутри пахло нагретым деревом и кожей, а на двух длинных сиденьях уже разместились несколько парней и девушек с такими же сумками на коленях. Кто-то сдвинулся, освобождая место, и я машинально хотела уступить его Орбуру, который стоял у меня за спиной. Кира успела сесть и положила ладонь на подушку у окна, показывая, что придержала её для меня. Я протиснулась к ней между коленями и сумками, и она шепнула, что отсюда хотя бы будет видно, куда нас везут.

Орбур сел напротив и попытался положить рюкзак под сиденье, но зацепился пряжкой за ручку чужого портфеля. Они с его хозяином некоторое время тянули в разные стороны, пока Кира не наклонилась и не разняла обе застёжки. Я посмотрела в окно и увидела, что красная карета уже тронулась, а черноволосый второкурсник высунул руку, чтобы захлопнуть дверцу изнутри. Следом хлопнула и наша дверца, и колёса заскрипели на первом повороте.

С дороги Мирвуд показался мне ещё меньше, чем с платформы. За оградой стоял домик с низкой крышей, у его двери сушилось выстиранное полотенце, а дальше по обе стороны шли деревья. Карета набрала ход, ветки отступили, и в просвете я увидела две башни с узкими окнами. С такого расстояния они казались ближе друг к другу, и я только у ворот поняла, сколько места между ними занимал фасад с огромными двойными дверями.

Кира потянулась к окну через моё плечо и попросила показать, куда я смотрю. Я подняла палец, но в эту минуту над входом расправился флаг, и показывать уже не понадобилось. На ткани над метлой раскрылись те же крылья, которые я накануне держала на коленях, пока мама рассказывала, когда мне уезжать. Золотая вышивка на мантии была такой маленькой, что я могла накрыть её ладонью, а здесь тот же знак на ветру видели все, кто подъезжал к воротам.

Красная карета остановилась первой, и старшие соскочили на землю, будто опаздывали туда, где им давно было назначено встретиться. Один подхватил чужую сумку, другой догнал его на ступенях и отобрал, а черноволосый придержал створку для тех, кто бежал сзади. Кира тихо заметила, что на следующий год мы, наверное, тоже будем знать, где у входа самая низкая ступенька. Я попробовала представить, как выбегаю из красной кареты и кого-нибудь зову за собой, и у меня получилось увидеть Киру рядом так отчётливо, словно мы давно ездили сюда вместе.

— Добро пожаловать в Академию Крыла и Метлы, — сказал Деметриус, распахнув нашу дверцу. Он подождал, пока стихнет топот на ступенях, и указал на наши портфели. — Прежде чем пойдём внутрь, наденьте форму. Торопиться здесь можно будет после того, как вы узнаете, куда.

В карете сразу зашуршала ткань, заскрежетали молнии, и кто-то у самой двери попросил осторожнее с локтями. Орбур вытащил пиджак и попытался влезть в него сидя, ухитрившись просунуть руку в рукав так, что второй рукав оказался у него поперёк груди. Кира попросила его замереть, вывернула застрявшую подкладку и придержала пиджак, пока он снова продевал руку. Орбур поблагодарил её и пообещал с этого дня носить пиджак только стоя, если она готова считать это достаточным прогрессом.

Я достала мантию и повернула её так, чтобы ткань свободно легла на плечи. Кира застегнулась раньше меня и уже собиралась выйти, но заметила, что я всё ещё держу застёжку на ладони, и задержалась у дверцы. Я могла бы отправить Оуэну снимок башен или рассказать, как Кира поймала мой портфель у велосипеда, и всё это было бы правдой. А Кира, увидев золотую нитку, сразу догадалась, куда и зачем я еду, хотя тогда ещё даже имени моего не знала.

Кира спросила, жду ли я, что застёжка сама защёлкнется, и я призналась, что до этой минуты такая возможность казалась мне вполне разумной. Застёжка поддалась с первого раза, стоило свести края, и мне захотелось показать маме, как сидит мантия, хотя с утра я очень старательно делала вид, что вполне могу одеться сама. Я выбралась из кареты следом за Кирой,

и Орбур, уже в пиджаке, подвинулся, чтобы мы могли встать рядом. Один лацкан у него так и остался загнутым, но Кира только глянула на неё и оставила в покое.

Деметриус пересчитал нас у ворот, дождался последнего ученика и пошёл к входу. На ступенях край моей мантии зацепился за пряжку портфеля, и я осторожно высвободила его. Орбур заглянул через моё плечо и прошептал, что отцовская записка теперь окончательно бесполезна, потому что про лестницы в ней ни слова. Я ответила, что он ещё может дописать третье слово, и услышала, как Кира фыркнула с другой стороны.

За двойными дверями было прохладно, и уличный свет лёг на каменный пол такой широкой полосой, что мы всей группой прошли по ней, прежде чем глаза привыкли к залу. Впереди поднимались две лестницы, одна слева, другая справа, и обе поворачивали наверху так, что с порога ничего дальше не было видно. Деметриус остановился между ними, а я перехватила портфель, стараясь не придавить уголок фотографии. Кира встала рядом, и наши широкие рукава соприкоснулись, когда мы подняли головы, чтобы понять, куда идти дальше.

Глава 3

— Мальчики, за мной, — сказал Деметриус, и Орбур шагнул вперёд с таким видом, будто с самого начала знал, какая лестница ему достанется. На первой же ступеньке рюкзак съехал у него с плеча, и он едва успел поймать лямку. Кира подняла палец, собираясь что-то сказать про его загнутый лацкан, но Орбур уже оглянулся и сам пригладил ткань. Потом спросил вполголоса, увидимся ли мы за ужином, и я кивнула, хотя пока не имела понятия, где мы будем ужинать.

Пока последние пиджаки исчезали на правой лестнице, по левой спустилась беловолосая женщина в высокой шляпе. Поля у шляпы были такие широкие, что под ними вполне можно было бы вдвоём переждать дождь. Женщина держала стопку сложенных листков, и на каждом, когда она подходила к очередной девушке, чернила сами темнели, будто только что высохли. Я успела подумать, что мама дома попросила бы задвинуть шторы, прежде чем показать кому-нибудь такой фокус.

— Я Мирабель, ректор вашей башни, — сказала она, остановившись перед нами. Кира подняла голову, и Мирабель, встретившись с ней взглядом, чуть сдвинула шляпу назад, чтобы смотреть прямо на неё. — Если посреди ночи у вас потечёт потолок, разболится зуб или захочется домой, моя дверь на втором этаже. С зубом приходите сразу, с потолком захватите таз, а насчёт дома поговорим, когда обе проснёмся как следует.

Она развернулась и повела нас наверх, по дороге объясняя, что правая башня отведена мальчикам, левая девочкам. Днём мы могли сидеть вместе в саду, столовой и главном зале, а после отбоя оставались каждая у себя. Девушка передо мной спросила, можно ли задержаться у друзей в другой башне, если за окном дождь и до своей идти далеко. Мирабель посмотрела вниз, туда, где два лестничных пролёта начинались в трёх шагах друг от друга, и предложила в таком случае переждать непогоду на коврике.

На площадке второго этажа мы остановились у двери с круглым стеклом вместо глазка. Мирабель показала на неё, чтобы мы запомнили, где её искать, и попросила всех спуститься в главный зал сразу после того, как найдём кровати и оставим сумки. Директор Салавар собирался приветствовать новый курс, и, судя по тому, как ректор произнесла «сразу», привычное мне «через пять минут» здесь означало ровно пять минут. Кира придвинулась и шепнула, что за это время мы успеем либо разложить вещи, либо понять, куда спускаться, и хорошо бы с самого начала выбрать что-нибудь одно.

— А связаться с домом можно сегодня? — спросила я, пока мы ещё стояли на площадке. Я хотела узнать про шар и про письма одним вопросом, чтобы не задерживать остальных, но получилось так, будто мне уже понадобился визит к Мирабель среди ночи. Кира придержала мой портфель снизу, когда он начал сползать с плеча. Я поправила лямку и добавила, что обещала сообщить, когда доберусь.

— После первого занятия по связи сможете звонить через стеклянный шар, — ответила Мирабель, и девушка впереди меня обернулась, потому что, похоже, тоже ждала ответа. — Первый сеанс я помогу устроить, вам пока достаточно знать, кого хотите увидеть. Письма забирают по пятницам, ящик у выхода в сад. Можно писать и тем, у кого дома шара никогда в жизни не было, только разборчиво укажите адрес.

Я сразу представила адрес Оуэна, который знала вплоть до буквы на кнопке звонка, и подумала, что придётся узнать, на какой день недели выпала наша поездка. Потом вспомнила, что мы с Оуэном собирались завтракать у реки в субботу и эта суббота началась всего несколько часов назад. До пятницы оставалось почти семь дней, а мне уже хотелось написать про поезд и про пчелу на платформе, пока я ещё помнила, как тихо стало после его ухода. Я коснулась портфеля у бедра и решила, что могу хотя бы начать письмо сегодня.

На верхней площадке Мирабель раздала сложенные листки и назвала наши с Кирой имена подряд. В моём листке кроме имени значились номер комнаты и слово «левая», вписанное так крупно, будто кто-то заранее знал, что я забуду, с какой стороны приехала. Кира нашла нужную дверь первой и заглянула в щель, но открыть шире не успела. С той стороны кто-то с явным ужасом спросил, сколько нас там.

В комнате пахло лавандой и нагретой солнцем деревянной рамой. У окна стояли две застеленные кровати, а возле стены, на которой виднелся светлый прямоугольник от когда-то снятой картины, помещалась двухъярусная. С ближайшей к окну кровати вскочила высокая блондинка в одной туфле и уставилась сперва на меня, потом на Киру. Кудрявая девушка на соседней кровати отложила книгу на подоконник, сунув между страниц палец.

— Мирабель, вы обещали, что мы узнаем заранее, — сказала блондинка, подобрав с пола вторую туфлю. — Я бы хотя бы не сушила чулки на их лестнице, если бы знала, что там кому-то сегодня придётся спать. У нас теперь четверо на одно зеркало, а внизу ещё говорят, что я долго собираюсь.

— Если предпочитаете собираться в одиночестве, наверху есть комната под самой крышей, — сказала Мирабель и придержала дверь, пока мы входили. — Кровать там свободна, зеркало тоже. За тазом для потолка можете зайти ко мне после речи директора.

Блондинка села и начала надевать вторую туфлю с таким вниманием, что даже забыла возразить про таз. Кудрявая девушка протянула руку к лестнице и одним движением сняла с перекладины оба чулка. Кира коснулась пальцами верхнего матраса и спросила, можно ли ей занять верхнюю койку, раз в детстве она вечно уступала такую брату и до сих пор мечтает хоть раз сама забраться под потолок. Я сказала, что мне и так хватило лестниц на сегодня, и села на нижнюю койку, чтобы снять портфель.

— Я Веспер, — сказала блондинка, наконец застегнув туфлю. Она посмотрела, куда Кира забросила портфель, и предупредила, что с верхней койки лучше спускаться лицом к лестнице, потому что вторая перекладина скользкая. Кира, уже забравшаяся на третью, остановилась и проверила подошвой вторую. Веспер пожала плечами и добавила, что сама однажды с неё упала, но готова сколько угодно отрицать это при свидетелях.

Кудрявая девушка представилась Астрой и показала на четыре крючка за дверью. На двух висели мантии, причём Веспер заняла своим длинным рукавом половину третьего, и Астра молча убрала ткань на её сторону. Я достала снимок Оуэна, который за дорогу чуть выгнулся, и спросила, можно ли поставить его на общую полку. Там в два ряда стояли стеклянные флаконы, разложенные по цвету крышек, и Веспер вздохнула так, будто я попросила перенести всю полку вместе со стеной.

Она всё же собрала два крайних флакона и переставила их ближе к зеркалу. Я прислонила фотографию к стене, подложив под край сложенный листок с номером комнаты, чтобы снимок не съезжал. Веспер наклонилась, рассмотрела Оуэна и спросила, успели ли мы поссориться прямо перед поездом или благополучно перенесли это на потом. Я сказала, что он мой парень и мы договорились писать, а она посмотрела на смеющуюся меня на снимке и ответила, что тогда я правильно выбрала для него самое светлое место.

— Если хотите дойти до зала раньше, чем старшие вывалят на лестницу, пошли сейчас, — сказала Астра, захлопнув книгу. Кира быстро спустилась, на скользкой перекладине перехватила обеими руками стойки и с довольным видом доложила Веспер, что пережила первое испытание. Веспер поправила волосы у зеркала одним движением, чего, судя по её недавним жалобам, от неё никто не ожидал. Астра вышла первой и придержала дверь, пока я ещё раз проверяла, устойчиво ли стоит снимок.

На лестнице и правда ещё можно было идти вдвоём, и мы с Кирой держались рядом за Астрой. С верхнего этажа уже доносились голоса, кто-то звал подругу и стучал подошвами по ступеням, а Веспер оглядывалась при каждом хлопке, чтобы понять, идут ли следом её знако-

мые. У нижнего пролёта Астра свернула мимо входа в башню мальчиков, и мы почти сразу услышали, как кто-то настраивает скрипку. Кира придержала меня за рукав и сказала, что, если уж нас пригласили на речь, хорошо бы успеть услышать хотя бы имя человека, который будет её произносить.

Двери главного зала стояли настежь, и в проёме было теплее, чем на лестнице. Вдоль стен на столах стояли кувшины с яблочным напитком и ряды низких стаканов, а посередине оставили столько места, что мне поначалу захотелось поскорее пересечь его и спрятаться с другой стороны. Астра отвела нас к стене, откуда было видно и столы, и низкое возвышение для музыкантов. Веспер успела поздороваться с тремя знакомыми, прежде чем взяла себе стакан, а мне понадобилось всё это время, чтобы обнаружить Орбура у соседнего стола.

Он стоял рядом с двумя девушками в мантиях и показывал им что-то на отцовской записке. Чуть дальше черноволосый второкурсник с двумя звёздами держал стакан для девушки, которая пыталась застегнуть браслет, и оба смеялись, пока она пробовала защёлкнуть его зубами. У ворот академии нас посадили в одну карету, у лестниц развели по башням, а здесь пиджаки и мантии перемешались так быстро, будто ученики только и ждали, когда взрослые закончат распоряжаться. Кира помахала Орбуру, и он сунул записку в карман вместе с двумя салфетками, которые, кажется, взял по ошибке.

Разговоры стали тише, когда со стороны музыкантов вышел высокий мужчина в белом костюме. На его воротнике тянулись золотые стежки, и я успела заметить один выбившийся кончик точно такого же цвета, как нитка, выдавшая меня в вагоне. Мужчина поставил стакан на край возвышения, подождал, пока задние ряды увидят его, и представился директором Салаваром. Я поднялась на носки, потому что между нами как раз встала девушка с причёской выше шляпы Мирабель.

— В начале года мы всегда поминаем Лимару и Дракса, — сказал Салавар и снова взял свой стакан. — Им было за что сердиться друг на друга, и у каждого хватало людей, готовых объяснить, почему сердиться следует и дальше. Они договорились о мире и открыли эту академию, а потом им понадобилось посадить первых учеников в одной комнате. По письмам Лимары я знаю, что с рассадкой они провозились почти до ужина.

По залу пробежал смешок, а Салавар посмотрел на учеников у стены, и мне показалось, что на нас с Кирой он задержал взгляд чуть дольше. Он предложил поднять стаканы за основателей и за людей, которым завтра придётся сидеть за соседними партами. Я сделала глоток и почувствовала на языке кислое яблоко, потом оглянулась на Киру и увидела, что она тоже ищет меня глазами. Утром я понятия не имела, рядом с кем окажусь в академии, а теперь мне хотелось сразу занять для неё стул.

Салавар отступил к столу, где стояли Мирабель с Деметриусом, и скрипачка взяла первую ноту, длинную и тихую. Ей ответил второй инструмент, которого я из-за чужих плеч так и не разглядела, а впереди уже освободили место для танцев. Несколько пар вышли почти сразу, и я попыталась понять по их ногам, куда полагается шагать на третью долю. Кира заметила, как я считаю про себя, и сказала, что нам ещё повезло, потому что никто пока не ходит вдоль стены со списком обязанных танцевать.

— Кира, хочешь попробовать? — спросил Орбур у моего плеча и торопливо протянул ей обе руки, как будто помогал перебраться через ручей. Кира посмотрела на одну ладонь, потом на другую и уточнила, будет ли ей позволено в какой-нибудь момент отпустить хотя бы одну. Орбур уставился на собственные пальцы, рассмеялся и спрятал левую руку за спину с такой поспешностью, что чуть не задел Веспер. Кира взяла оставшуюся и ушла с ним на середину зала, по дороге успев сказать, что она тоже понятия не имеет, куда девать локти.

Я всё ещё смеялась, когда рядом остановился коротко стриженный парень в пиджаке без звёзд. Он чуть подался ко мне, чтобы не перекрикивать музыку, и спросил, соглашусь ли я на танец. Я посмотрела на пары и, пока пыталась вспомнить хотя бы одно из движений, которые

только что старательно считала, он тоже проследил за ними взглядом. Потом признался шёпотом, что умеет сбиваться со счёта только в одну сторону, так что, если я выберу другую, у нас есть надежда встретиться посередине.

— На один, — сказала я и подала ему руку, прежде чем успела придумать вежливый способ остаться у стены. Его ладонь оказалась тёплой, и он держал мою так легко, что я могла бы высвободить пальцы в любой момент. Мы обошли пару, которая замерла у самого края и что-то выясняла про левую ногу. Парень дождался следующей фразы скрипки и повёл меня туда, где между танцующими оставалось немного места.

— Я Кассиан, — сказал он, пока мы вставали друг напротив друга. — Тоже новенький, если ты ещё не догадалась по тому, как долго я делал вид, что собираюсь танцевать, и пил сок. Меня два раза спросили, не отнести ли кувшин на другой конец зала, чтобы я наконец от него отошёл.

Я назвалась Роксана, тут же поправилась на Рокси и спросила, кого он так старательно выжидал у кувшина. Кассиан отвёл взгляд, чтобы пропустить пару справа, и сказал, что искал человека, который сумеет рассмеяться, если всё пойдёт вкривь. Я спросила, с чего он взял, что я сумею, раз уж на меня пока никто не наступил. Он глянул на Орбура, который пытался развернуть Киру и в последний момент вспомнил поднять руку, и я поняла, что Кассиан стоял поблизости дольше, чем мне показалось.

— Давай заключим договор, — предложил он, когда я наконец правильно угадала, куда делать шаг. — Кто наступит другому на ногу, расскажет про себя что-нибудь неловкое. Только по одному случаю за раз, а то при моих способностях ты к концу песни будешь знать обо мне больше, чем родная семья.

На следующем повороте он задел носок моей туфли и попытался изобразить, что так и задумано. Я остановилась, посмотрела ему в глаза и потребовала платить по договору. Кассиан признался, что в прошлом месяце у зеркала разучивал, как представиться в академии, а за дверью всё это время стоял его старший брат и записывал самые торжественные варианты. Потом брат неделю здоровался с ним за завтраком исключительно со слов «разрешите представиться», даже когда у обоих был полный рот.

Я так засмеялась, что пропустила шаг и наступила ему на ногу куда основательнее, чем он мне. Кассиан опустил голову и сказал, что, кажется, мы дошли до той части песни, где он собирался сбиваться. Я рассказала, как на прошлых каникулах забыла имя Оуэна в боулинге, хотя к тому времени знала его уже несколько лет, и представила его Оливером человеку за стойкой, где нам выдавали обувь. Про то, кем мне приходится Оуэн, я собиралась сказать следом, но Кассиан с таким неподдельным интересом спросил, обернулся ли он на «Оливер», что я ответила сначала на этот вопрос.

— Обернулся и потом выдал весь запас незнакомых имён, которые мог вспомнить, — сказала я. — До самого дома он называл меня то Гертрудой, то Эдит, а я нарочно откликалась через раз. Я даже не помню, на каком имени мы в итоге помирились.

— Гертруда, шаг вправо, — сказал Кассиан мне почти в ухо, потому что музыка стала громче. Я послушалась, и мы впервые прошли целый поворот, ни разу не столкнувшись и не посмотрев вниз. От этого пустяка я обрадовалась сильнее, чем ожидала, и, когда он снова поймал мою ладонь, сама развернулась к нему. У него от смеха появлялась складка между бровями, и я успела запомнить её прежде, чем сообразила, что уже несколько тактов почти не слышу музыку.

Скрипка вернулась к той самой мелодии, с которой мы начали, и я наивно решила, что мелодия повторится ещё раз. Мне хотелось пройти ещё раз от стены к середине и придумать, как заставить Кассиана сбиться без всякой помощи моих ботинок. Вместо этого над залом раздался голос Деметриуса, который поблагодарил оркестр и попросил первокурсников осво-

бодить танцпол. Мирабель с другого конца зала уточнила, что слово «освободить» включает в себя необходимость подняться в свою комнату и лечь спать.

Кассиан отпустил мою руку и чуть поклонился, хотя с таким поклоном вполне мог получить ещё один неловкий случай в свой список. Он сказал, что завтра найдёт меня на занятиях, если я буду отзываться на своё настоящее имя, и я пообещала хотя бы попробовать. Когда мы разошлись, я едва удержалась, чтобы не обернуться сразу, и успела дойти до Киры, прежде чем позволила себе поискать его взглядом. Он уже пробирался к лестнице вместе с остальными мальчиками, а Орбур по дороге протягивал ему одну из своих салфеток, пока Кассиан не сдался и не сунул её в карман.

Мы поднялись в башню следом за Астрой и Веспер, и у самой двери Кира вдруг попросила меня остановиться. Я решила, что она хочет рассказать про Орбура, но она поправила на моей мантии застёжку, которая после танца повернулась наискось. Улыбалась она при этом так, будто лично видела, в какой момент застёжка сдалась. Я открыла дверь первой, надеясь, что при соседках Кира пощадит меня хотя бы до завтра.

На нижней койке лежала сложенная пижама в мелкий цветочек, и точно такую же я увидела на верхнем матрасе, когда Кира полезла за своим портфелем. Я вспомнила мамину историю о коротких штанинах и сразу приложила брюки к ноге. Штанины доходили почти до щиколоток, и мне вдруг очень захотелось, чтобы мама увидела, как серьёзно я проверяю выданную форму. Я отложила брюки на подушку и задела локтем полку, так что фотографию пришлось придержать ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.